

Золотая гора

Жил в городе такой синильник, звать его Иван. И так он зарабатывал здорово, хорошо. Он без работы никогда не бывал. И он работал все до часу ночи. Потом приходя яму вечером старик — он работае. Да. Потом и говорит: «Да, Иван, в тебя заработка хорошая. А только, говорит, моя лучше». Ну, вот он и спрашивает: «А какая, старик, у вас заработка?» — «Вот есть у вас, он говорит — синильника спрашивает — какой-нибудь металл?» — «Как же, говорит, есь». — «Ну вот, он, собирай, говорит, этот металл». Он собрал лому, железа там шматов, ну, вот и давай, знаешь, в чугун вкладывать. В чугун вклали, он начинае варить. Сварил, выворачивает — все золото с этого металла. «Да, говорит, дедушка, твоя лучше заработка. Так ты научи меня».

Ну, вот он взялся его учить. Да. Он почал его учить. Потреб[ов]ал нечистых духов. Потом говорит: «Несите его в корабель, этого синильника». В корабель снесли, он явился туда. «Ты, говорит, сдешь крест топерь; ты мне будешь сын, а тебе буду отец». — «Нет, говорит, я креста не сдену, я православный, креста не могу сдеть. Ну, а все-таки я тебя буду отцом звать». И поехали они на изморю. Переехали изморье. Выходи он на берег — являются три ильва. Два ильва оседланных, третий льва съ ясным. Он и спрашивает: «Отец мой, куда поедет?» — «Поедет, говорит, туда, где всево много». Едут они дорогой, и потом этот синильник виде рощи. Он хотел повернуть этого ильва в блестящий замок. Это не тут-то было — льва не повернуть. Он и говорит: «Што ж ты, говорит, сын, хотел от меня уехать, не, не уедешь».

Приехали — огромная гора. Ну, вот он излез с этого ильва, его старый, этот отец-та, взял ильва этого зарезал, кишки вынул — его посадил в этого ильва. «Вот, говорит, слетит с этой горы птица. Схвати этого ильва и унесет на гору. Там много драгоценства. Ну, вот ты оттуда мне это спускай, говорит, мы будем богаты». Он и говорит: «Отец мой, а как я слезу оттуда?». А он и говорит: «А я, говорит, тебе цеп подам; потом я тебя и спущу оттуда». Ну, вот схватила птица ильва, втащила туда. Вот он отсюда спускал драгоценства. Потом и говорит: «Топерь, говорит, достаточна». — «Ну, а как я полезу, отец?» — «А, говорит, ты сиди ты там; у меня там тридцать посажено — ты тридцать десятый».

Он там ходил-ходил, ничего нигде невозможно слезь. Нашел кедровое дерево — ну, и вот потом он взял его ободрал и связал одно за одно и потом с этой горы стал спускаться. Спустился с этой горы и пошел. Дошел до этих рощ, где ильва воротил. Потом он повернул в этот в блестящий замок. Приходи в

этот блестящий замок — сидит три девушки. Он как вошел, поздоровался, как следуе. Большая говорить средней: «Што, говорит, это, говорит, тот человек, што ехал с нечистым духом на ильвах. Ну, вот, говорить, куда ж ты идешь?» — «А, говорит, не спрашивай, дорогая, куда, я и сам не знаю куда». Ну вот, эта предлагае ему: «Живи в нас».

Он асигновался в их жить. Отправляются оны на должность — яму все ключи доверяют — от двенадцати комлат. «Ну вот, по всем комнатам ходи, што хошь — то ешь, што хошь — то пей, — токо вот в эту двенадцатую комнату смотри никогда не ходи, то будешь несчастлив». Ну, так ён и делал: в тую комнату не ходил. Ну, иногда-то захотел, антерес — дай в тую комнату зайти. Зашел в тую комнату: прекрасный сад и в саду пруд и шатер. Прилетае двенадцать девушек в этот пруд купатца. И она сильно горас большая красавица. Он приходи оттудова и сделался печальный. Приходят с работы, начинают ево разговаривать — и он печальный. Эта потом малая и говорить на большую: «Спросите в нево: не был ли он в этом саду?» Тая и спрахывае: «Иван, не был ли ты в этом саду?» — «Был», говорит. — «Ну, а што ты видал?» Он и говорит: «А я видел двенадцать девушек». — «Вероятно, говорит, тебе которая по нраву». — «Да, говорить, есь одна по нраву». — «Ты согласился и замуж взять?» — «Да, он отвецае, с адавольствием бы», говорить. Малая и говорит: «Нянь, нет закону! Он православный, а она неправославная». Она и говорить, эта большая: «Все равно, можно». Ну, вот эта большая и говорить: «Завтра пойдешь в сад, прилетять купатце, и ты замечай, которая где кладе платье». Вот он назавтре отправляется в сад. Сидить в шатре и смотря, которая где кладе платье. Потом оны стали купаться. Он это забрал платье, приноси сюды в комлату. Потом серенняя и говорить: «Эту Аннушкино платье». Взяли и повенчали его.

Немного он пожил, стал проситца, што как бы меня домой отправили. Эти девушки ево отправили домой. Приезжае он домой в свой город. Царевы кухарки ходили платью утюжить к ней, царевны, и говорить, што в нашева Ивана в синильника хозяйка привезена, так таких красавит нигде и нет, весьма красивая. Эта царевна стала говорить, что пуцай она приде ко мне. Кухарки пришли доложили ней. Она пошла к царевны. Царевна спрахывае: «Аннушка, какова вы роду?» — «Я, говорит, неправославная». — «Сильно вы красавица, — это царевна на яну, — таких мало я встречала». Она и говорить: «Ишшо што это за красавица. Когда бы я в свое платье оделася — еще б красивее была». Царевна и спрахывае: «А где твое платье?» Она и говорить: «Мое платье в Ивана, в мужа». Она тихонько: «Только мне, говорит, одеть нельзя ево». Царевна горничную послала тихоньку: пуцай принесе платье.

Она взяла, прислуга, платье и принесла. Яна как одела эта платье, поннялась и полетела и сказала: «Пушшай Иван меня не разыскивае, ему не разыскать».

Вот этот Иван: «А уж што во што не стане, а пойду жену разыскывать». Вот он пошел разыскивать ону; идет дорогуй, встречае два парня. Идутъ эти парни и ругаютца. Вот, потом и говорит один: «Пойдем [не „ё“] до встрешника, он наши дела разбере». Он приходя: «Што у вас об чем?» — «Да вот разбери наши дела. Нашли мы вдвух ковер-самолет и шапку-невидимку — и вот нам не поделить никак. Подели ты нам!» — «А што, говорит, это составляе ковер-самолет?». Он и говорит: «Вот, говорит, только эти винты развинтить — и тогда можешь лететь! А шапка-невидимка — куды хошь можешь идти — только надень шапку — никто не виде». — «Ну вот, говорит, так дайте, я испытаю». Потом он сицас взял, винтики развинтил, сел на этут ковер, шапку надел, поднялся и до свидания — им и поделил!

Прилетае в этот город, где евоная находится хозяйка. Допросился тама в городе, што где такая Аннушка находится. Говорять ему: «Она, говорить, сидить в остроги». Он и спрахывал: «По какому смыслу ее посадили?». Яму и говорить: «По этому она посажена, што она вышла замуж за православнова». Вот он ожидал покудова ей пишшию понесут подавать. Вот понесли пишшию подавать, он взял надел шапку-невидимку и вот сзади за ним пошел. Взошел туда — нихто ево не виде. Потом ей пишшию подали и опять затворили, а он остался там. Ну, вот сдел шапку-невидимку — увидала хозяйка, крепко захватила за шею: «Ах, Иван, Иван, как ты попал? Ведь ты пропал тут. Пушшай бы я одна пропадала, цым и ты». Он и говорить ёй, што справляйсе, завтра, говорит, будем дома. Она и говорит: «Как же мы будем дома? Я и не верю». Он сделал ей пример, надел шапку там. Ну, она поверила. Назавтра пишшию принесли. Оны в тот момент и отправились — и никто их и не видал. Вот и прибыл Иван домой с хозяйкуй.